

Вет. Ленинград, 1987, Частр

Солнечная активность

С 5 по 10 апреля в киноцентре «Ленинград» — ретроспектива фильмов ленинградского режиссера Александра Сокурова. Вы увидите картины «Скорбное бесчувствие», «Элегия», «Одинокий голос человека», «Терпение труд», «Разжалованный», «И ничего больше», «Альтовая соната» и другие.

Мне кажется, что сейчас мы с особой надеждой смотрим на людей разочарованных, неусталых, не изменивших себе, с умом трезвым и мужественным и с чувствами живыми...

Такое Сокуров. Кроме того, он отличается абсолютным неприятием малейшей фальши — в деле, в отношениях, в позиции, — не говоря уж о неправде и лжи. У меня не раз была возможность убедиться в этом. Но сам по себе пример — его поразительная стойкость. Он работает в кино десять лет, снял пятнадцать фильмов — возникло даже определение «кинематограф Сокурова», а картины его только сейчас получают права гражданства. Вряд ли нужно объяснять, что это значит для художника. Однако ни разу не отступил, не сделал того, на что, казалось бы, провоцировали обстоятельства, не стал играть в чужую игру. Он оставался свободен в своем творчестве и продолжал снимать. И стала возникать легенда...

А вокруг него самого суеты нет — идет обычная работа, идет нормальная жизнь. Студенты ВГИКа привозят ему свои курсовые и дипломные картины, актеры зовут на спектакли и концерты. Кто-то из друзей затеял ремонт, и надо помочь. Кого-то, приезжающего в Ленинград, — встретить и поселить в гостинице. А если не удастся поселить — вот она, девятиметровая комната, где, кроме Сокурова, живут четыре птицы, которые почти не знают клетки, а знают музыку Шостаковича и которых кормят друзья, когда хозяин в экспедиции.

Устроители ретроспективы, начинающейся завтра, хотели назвать ее чуточкой претенциозно: «Известный и неизвестный Александр Сокуров». Но сам он снял это название

с афиши, потому что — против любой шумихи и ажиотажа: слишком дорогой ценой было заплачено за фильмы, которые включены в показ. Поэтому давайте отнесемся к самому факту ретроспективы со всей возможной долей мудрости, как к «рабочему моменту», — действительно, таких встреч с публикой заслуживает каждый серьезный режиссер.

Однако — и не ловите меня на противоречии, — Сокуров — не каждый! Впервые встречаю человека, имеющего — ни больше ни меньше — концепцию переустройства всей нашей культуры (впрочем, сам он свои мысли этим обязывающим словом «концепция» не называет). И если вы, читатель, сейчас воскликните «Ого, куда хватил!», не удивлюсь: мы привыкли, что подобные вещи в компетенции целых учреждений и высоких инстанций. И если найдется кто-то с Идеей — воспринимаем его по меньшей мере как чудака. Вот и я состорожничаю по привычке: быть может, его концепция неполна, или даже неверна, или кому-то она покажется наивной, но она есть. Есть развернутая программа действий, тот самый положительный заряд, который хочется назвать истинным духовным здоровьем, или, красиво, — солнечной активностью. Сокуров — не прекраснотушный мечтатель. Свою программу он, историк по первому образованию, выработал, опираясь на культурные традиции и осмыслив происходящие в мире процессы. И фильмы он ставит, разумеется, в полном согласии с ней — следовательно, и оценить их достаточно правильно можно, только зная общий ход мыслей.

Попробую изложить эту концепцию в самом кратком виде — так, как я ее поняла.

Телевидение, радио, пресса, литература, кинематограф, те-

атр — все сейчас сплелось в некий клубок. Все стремятся заниматься всем, тогда как каждый из видов искусства и средств массовой коммуникации имеет специфические свойства и функции. Например, телевидение не должно превращаться ни в газету, ни в кино... В каждой из областей культурной деятельности время вывело достаточное количество честных профессионалов, которые могли бы решать свои задачи. В результате уровень развития общей культуры, и в частности искусства, значительно возрастет.

Необходима переориентация и «творцов», и публики. Необходима стратегическая государственная программа в этой области.

Существует поп-культура — то есть отсутствие культуры в профессиональной среде. Утерян навык программного мышления — ощущения того, что ты находишься в культурной цепи всех народов и времен, последовательности в решении последовательных задач... Пришла пора думать о культурной традиции. В нашей стране, где энергия художественного произведения теряется в огромных пространствах, это вопрос особый. Провинциальное мышление как бы ориентировано на видео и в первую очередь подхватит его. Между тем, нельзя отдавать все на откуп телевидению (в Венгрии в понедельник национальное ТВ не работает — это день

культуры в стране) и видео — иначе произойдет полное разложение традиционной отечественной культуры. Видео основано на реализации психофизического комплекса человека. А настоящее искусство — на возбуждении совершенно иных начал. В этом смысле видеодвижение относится к культуре, как тело к душе. То же — и рок-движение. Как бы его ни одухотворяли, оно останется созданием комфортной среды для человека. Рок-культура равна человеку, но не выше его. И к чему подтягиваться. Поднять человека над

этом смысле жанр трагедии для меня предпочтительнее).

И нет деления кино на документальное и художественное — есть документальное и игровое, у каждого свои задачи. Игровая картина — создание мира, которого нет на самом деле, уникальной ситуации, системы эстетических категорий. Не следует ждать от игрового кино адекватности жизни — это сфера документального... Вообще, в современном кинематографе невозможно без навыка «общения» с документальным материалом. Очень серьезные внутренние критерии выработывает режиссер, находясь один на один с прямым, непосредственным кинодокументом, а значит — будущи с кинематографом на «вы». В игровом кино есть некая фамильярность... «Но оторвать одно от другого невозможно: у человека два уха, два глаза для познания мира... И если меня лишит одного из видов кино — не смогу и другим заниматься...»

Тут я прекращаю краткое изложение взглядов Сокурова. Если он прав — а меня он убедил, — здесь не место для более полного и подробного пересказа. Еще раз только подчеркну свое впечатление после разговора с Сокуровым: он продумал все и на все нашел положительный ответ в рамках своей концепции.

А у нас с вами, читатель, конечно, еще остаются вопросы. Ну, например, почему объявленный в программе Ленинградского телевидения фильм Сокурова «Элегия» не был в эфире?

— Я сам снял «Элегию» с телепоназа. Во-первых, она не прошла еще на киноэкране, для которого создавалась. Во-вторых, она должна демонстрироваться — как и любой другой фильм, если мы не хотим, чтобы он утонул в бездне прората, — по принципу программности. Эффент «Покаяния» был бы еще сильнее, если бы рядом шло что-либо соразмерное — скажем, «Легко ли быть молодым?»... «Элегия» — о судьбе великого человека, Шалпина, — должна идти вместе с картиной «И ничего больше» (так теперь называются «Союзники») — о судьбе народов. Или со «Скорбным бесчувствием»... Кроме того, нам важно знать, что наша картина не провалилась в прокате — просто в примитивном финансовом смысле. Важнейший момент для меня — знать, что гуманитарная деятельность не может быть убыточной...

А вот еще вопрос режиссеру: ваши фильмы — так назы-

ваемые «трудные». Чего вы хотите от зрителя?

— Мы надеемся, что наш зритель будет — нашим зрителем, то есть человеком, обладающим терпимостью и терпением, способным задуматься о себе, но не отвергать и более общие и сложные темы. Зритель, не подменяющий спор в области эстетики проблемами политики... «Скорбное бесчувствие» рассчитано на неоднократный просмотр (идеальная наша аудитория в этом смысле — полярики), поэтому еще раз терпимость и терпение. Вообще, в жизни может пойти многое иначе, если эти качества возродятся...

Я бы хотел, чтобы как можно меньше во время просмотра происходило аналитической работы. Тот либо иной элемент картины сам по себе ничего не означает, отдельно взятых эпизоды не несут никаких символических нагрузок... Доктор Найф (один из героев «Скорбного бесчувствия»), если говорить в каком-то смысле отстраненно, — та самая ситуация аналитического порядка в области культуры. Все настолько увлечены анализом, что культура напоминает конгресс анатомов. Берут явление, препарируют его — оно умирает, истекает кровью. Потом сшивают: руинируют на месте, но «пацента» мертв. Соревнование с природой невозможно... Эстетика все же складывается в достаточной степени интуитивно. В ней, так же, как в историческом процессе, очень много компонентов. Многие зависят и от конкретного настроения в каждый момент, от состояния природы. Сейчас мы начинаем работу над картиной «День затмения» по повести братьев Стругацких... Съемки будут идти на юге Туркмении. Там очень агрессивная природная среда — будем ее использовать. Если в сценарии написано — «солнце», а с утра пойдет дождь — съемок не отменяю. Природа выше и разнообразнее, чем любой режиссер. Только в реакции на свет, на воздух может что-то родиться. Никакой план на бумаге не в состоянии предугадать ощущения утра, моря... Если от кого и ждать милостей — то только от природы, стоять перед ней на коленях. Потому что если есть объективное в этом мире — то лишь она...

И последний на сегодня вопрос — он, признаюсь, мне особенно нравится. После одного просмотра «Скорбного бесчувствия» зритель спросил режиссера: чего нет в вашей картине?

— Скорбного бесчувствия. Так ответил Сокуров. Публика засмеялась и зааплодировала шутке, в которой нет неправды.

Ольга ШЕРВУД

□

На снимке: Александр Сокуров. Фото О. МОИСЕЕВОЙ